

УДК 913:911.3

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ НАСЕЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ)

© 2017 г. Андрей Г. Манаков

*Псковский государственный университет, Псков, Россия
e-mail: region-psk@yandex.ru*

Поступила в редакцию 14.05.2016 г.

Аннотация. Главная задача статьи – оценка достоинств и недостатков разработанных в исторической географии методов временных срезов и временной динамики (диахронического). Представлены итоги анализа по применению историко-географического подхода в современных работах общественно-географического профиля, опубликованных в известных российских географических и регионологических журналах. Результаты анализа показывают, что исследования, выполненные в социально-экономической географии, особенно в географии населения, нередко опираются на диахронический метод (метод пространственно-временной динамики). Приведены примеры использования диахронического метода в географии расселения и этнической географии Северо-Запада России. Данный метод ориентирован на описание изменений, произошедших в географии региона за исследуемый временной интервал. Так, в географии сельского расселения Северо-Запада России диахронический метод позволил проследить процессы поляризации населения региона, наибольшая интенсивность которых пришлась на последние полвека. В это же время происходило выравнивание этнической мозаичности на уровне низовых административных единиц региона. Территории, где ранее была высока доля нерусского населения (Санкт-Петербург и его окружение), утратили свою этническую пестроту. Большинство районов Новгородской и Псковской областей, в первой половине XX столетия являвшихся почти исключительно русскими, повысило этническую мозаичность. Сделан вывод, что диахронический метод, опирающийся на картографический анализ, позволяет решать задачи, традиционно стоящие перед общественной географией. В их ряду – анализ социально-экономических, демографических и социокультурных процессов на определенной территории, с последующим выявлением пространственных закономерностей развития и созданием научных предпосылок для географического прогноза.

Ключевые слова: историческая география населения, метод временных срезов, диахронический метод.

DOI: 10.7868/S037324441706010X

DIACHRONIC METHOD IN HISTORICAL GEOGRAPHY OF THE POPULATION: A CASE STUDY OF NORTHWESTERN RUSSIA

Andrei G. Manakov

*Pskov State University, Pskov, Russia
e-mail: region-psk@yandex.ru*

Received May 14, 2016

Abstract. The main purpose of the article is to assess the advantages and disadvantages developed in historical geography methods of time slices and temporal dynamics (the diachronic method). The results of the analysis of applying historical-geographical approach in modern studies of the sociogeographical field, published in the known geographical and regional Russian journals, are presented. It is concluded that studies fulfilled in socioeconomic geography, especially population geography, frequently rely on the diachronic method (the method of spatiotemporal dynamics). The examples of applying the diachronic method in geography of settlement pattern and ethnic geography of Northwestern Russia are given. This method is focused on describing the changes that have occurred in the geography of the region during the study time range. Thus, in the geography

of rural settlement pattern in Northwestern Russia, the diachronic method made it possible to trace the processes of polarization of the population of the region, the greatest intensity of which occurred in the last fifty years. At the same time, there was an alignment of ethnic mosaic at the level of the lower administrative units of the region. Areas, which previously had a high share of non-Russian population (St. Petersburg and its surroundings), lost their ethnic diversity. Most areas of Novgorod and Pskov oblasts, which were almost exclusively Russian in the first half of 20th century, increased ethnic mosaic. The conclusion is made that the diachronic method based on cartographic analysis allows solving the traditional problems of social geography. This includes the analysis of socioeconomic, demographic and sociocultural processes in a certain territory with the subsequent identification of spatial regularities in the development and the creation of scientific prerequisites for the geographical forecast.

Keywords: historical geography of the population, method of time slices, diachronic method.

Введение. В первые полтора десятилетия XXI в. в Санкт-Петербурге прошло четыре международных конференции по исторической географии, в процессе работы которых было принято решение о подготовке серии коллективных монографий “Историческая география России”, а также рассмотрены теоретические вопросы, разработаны концептуальные основы этой многотомной серии [1]. В связи с началом реализации данного проекта в исторической географии ведется поиск новых научных подходов и активизировалась апробация традиционных методов исследования.

В.К. Яцунский, один из основоположников отечественной исторической географии, предлагал выделять внутри этой отрасли научного знания историческую географию населения, историческую физическую, историческую экономическую, историческую политическую географию [17]. В последнее время в качестве новых направлений исторической географии было предложено рассматривать историческую социальную, культурную географию [15]. В целом же структура исторической географии фактически повторяет структуру всей географической науки, в ней выделяются как традиционные, так и новые исследовательские направления.

Основные методы исторической географии. Традиционным для исторической географии является метод временных (исторических) срезов. Этот метод оформился в период, когда историческая география развивалась исключительно как вспомогательная дисциплина исторической науки. Метод временных срезов позволяет изучать особенности географии природы, населения и хозяйства, характеризующих ту или иную историческую эпоху [2]. При этом использование метода временных срезов в исторической географии населения обычно предполагает статистическую и последующую картографическую обработку первичного материала. Но, чтобы выявить закономерности пространственного развития изучаемых явлений, необходимо провести анализ изменений, произошедших за временные промежутки между “срезами”.

Несмотря на то, что метод временных срезов родился в недрах исторической науки, историко-географическое картографирование в работах историков в настоящее время встречается нечасто [11]. Тем не менее, картографический анализ остается одним из важнейших методов историко-географических исследований.

Метод временных срезов применяется не только в отечественной исторической географии, но и в зарубежных исследованиях. Так, например, в британской исторической географии используется метод “кросс-секций” (по сути, “исторических срезов”), ставящий задачу реконструкции “географии прошлого” [10]. Примером труда, выполненного в традициях этого подхода, может служить “Историческая география Англии до 1800 г.” (1936) [18].

Данный метод позволяет реконструировать картину географии конкретного общества в конкретную эпоху. Но существенным недостатком метода временных срезов является статичность анализа. Еще В.К. Яцунский отмечал более полувека назад, что географические характеристики в историко-географических исследованиях должны быть не статическими, а динамическими, то есть показывать процесс изменения пространственных структур [17].

В.Н. Стрелецкий [15] отметил следующее интересное явление, характерное для исторической географии начала XXI в. Если несколько десятилетий назад исследования, представляющие собой статические “срезы” географической картины той или иной эпохи, были господствующими в исторической географии, то в настоящее время наметилось снижение доли работ, опирающихся на метод временных срезов. То есть в последнее время произошел разворот исторической географии в сторону комплексного, синтетического исследования пространственных явлений.

Таким образом, метод временных срезов в настоящее время уже не является господствующим в историко-географических исследованиях.

В частности, в британской исторической географии, наряду с традиционным статическим “горизонтальным подходом” широко используется “вертикальный подход”, который ориентирован на описание эволюции региона. К примеру, в книге “Новая историческая география Англии до 1600 г.” (1976) [19] в дополнение к синхронным временным срезам, привязанным к определенным датам, были введены социально-географические характеристики, данные в диахронии, между двумя соседними кросс-секциями.

Согласно “Толковому словарю русского языка” С.И. Ожегова, диахрония – состояние каких-нибудь явлений, системы в их истории, в процессе развития [14]. Диахронические методы применяются и в отечественной географии, обычно при изучении отдельных феноменов или объектов. Но в итоге часто получается так, что пространственный и временной анализ как бы отрываются друг от друга [15]. В то же время в отечественной общественной географии сложилась традиция системного историко-географического анализа, который представлен, хоть и в неявном виде, в исследованиях эволюции социально-пространственных структур различного уровня иерархии, в изучении исторических корней сложившейся к настоящему времени географии населения, культуры и хозяйства. Авторы таких исследований редко используют сочетание “историко-географический”, что может быть объяснено относительно небольшими временными интервалами, задействованными для анализа. Однако часто применяются такие понятия, как “диффузия”, “эволюция”, “динамика” и т.п.

Чтобы проверить, насколько популярны в настоящее время в отечественной (прежде всего, общественной) географии исследования, опирающиеся как на традиционные в исторической географии методы, так и на “эволюционные” и “динамические” подходы, нами был проведен анализ публикаций в наиболее известных географических и регионологических (с географической направленностью) журналах.

Анализ публикаций в отечественных журналах, использующих историко-географический подход. Для анализа были выбраны шесть самых известных географических журналов (“Известия Российской Академии наук. Серия географическая”, “География и природные ресурсы”, “Известия Русского географического общества”, “Вестник Московского университета. Серия 5: География”, “Региональные исследования” и “Географический вестник”) и два близких к последним по профилю публикаций регионологических журнала

(“Балтийский регион” и “Псковский регионологический журнал”).

В анализ были включены статьи, посвященные теории и методологии исторической географии, а также публикации в рамках общественного крыла географии, опирающиеся на методы пространственно-временной (по сути, историко-географической) динамики. Временной интервал анализа охватывает 6 лет – с 2010 по 2015 гг.

В общей сложности публикации по соответствующей тематике за 6 лет составили 5.7% от общего количества статей в выбранных для анализа журналах (172 статьи из 3017). Пространственно-временной подход наиболее часто используется в исследованиях, тематически связанных с географией населения в традиционном понимании (демография, миграции, расселение, георбанистика и т.п.), которые в общей сложности составляют примерно 40% массива отобранных статей. Вторую и третью позицию по количеству (по 18%) заняли статьи по исторической культурной географии (включая изучение этносов, конфессий, топонимики, культурно-исторического наследия и т.п.) и исторической экономической географии (хозяйство, транспорт и т.п.). Примерно 10% составили статьи по теории и методологии исторической географии, включая обзоры работ по соответствующей тематике. Работы по историко-географическому районированию составили 7% публикаций, по исторической политической географии (в том числе по изучению пространственно-временной динамики политических и административных границ) – 5%. Около 2% пришлось на работы, посвященные историко-географическим (преимущественно картографическим) источникам. Здесь же сразу следует обратить внимание на то, что исследования, посвященные картографическим методам исследования (особенно ГИСам) в исторической географии, заметно чаще выполняются в рамках естественных наук и потому не попали в данную выборку.

В распределении статей по выбранным журналам отметим лидерство как по абсолютным, так и относительным показателям журналов, ориентированных на комплексное изучение регионов (“Псковский регионологический журнал”, “Региональные исследования” и “Балтийский регион”), которые концентрируют две трети публикаций по данной тематике. Далее в порядке уменьшения доли статей по историко-географической тематике следуют журналы: “Известия РГО”, “Известия РАН. Серия географическая”, “Географический вестник”, “География и природные ресурсы” и “Вестник МГУ”. В значительной степени

это объясняется сложившимся в различных журналах соотношением публикаций естественной и общественной направленности, но нельзя не отметить и некоторую их специфику. Так, в “Известиях РГО” заметно больше внимания уделяется вопросам теории и методологии исторической географии, а в “Известиях РАН. Серия географическая” и “Псковском регионологическом журнале” выделяются рубрики по исторической географии, хотя туда же обычно включаются и статьи по истории географической науки. В целом же в регионологических журналах заметно чаще публикуются результаты исследований общественно-географической направленности, в том числе использующих метод временной динамики.

Как показал анализ, использование метода временных срезов в статьях географических и регионологических журналов является достаточно редким явлением, на него опирается примерно пятая часть исследовательских работ данного профиля. Соответственно, в четырех пятых исследований были использованы подходы, которые можно объединить общим названием “пространственно-временной динамики”. По доле статей, использующих метод временных срезов (примерно третья часть), опять же лидируют регионологические журналы (“Балтийский регион” и “Псковский регионологический журнал”), им в этом плане немного уступает журнал “Региональные исследования”. Объясняется это тем, что в регионологических журналах публикуются разные специалисты, в том числе историки, этнографы, которые чаще оперируют географической информацией в рамках метода временных срезов. Географы же в большинстве случаев используют методы временной динамики (чаще – ретроспективной, реже, с помощью статистико-математического моделирования, – перспективной), потому что не ставят задачу изучения “географии прошлых эпох”, при этом пространственно-временной подход позволяет им выявлять причины современных проблем регионального развития, создавая предпосылки для научных прогнозов. Исключение составляют единичные собственно историко-географические исследования, которые выполнены с опорой на метод временных срезов (например, [9, 12, 13] и др.).

Таким образом, в современной отечественной географии историко-географический подход реализуется посредством методов пространственно-временной динамики, и особенно это характерно для работ, выполненных в рамках географии населения (геоурбанистика, георуралистика, демогеография, география миграции, расселения и т.п.). Всплеск интереса к исторической

географии, наметившийся в последние годы, позволяет усовершенствовать традиционные методы этой отрасли знания для более активного их использования в современной социально-экономической географии. В первую очередь это относится к диахроническому методу как частной разновидности пространственно-динамического подхода.

Приведем два примера использования диахронического метода в дополнение к традиционному в исторической географии методу временных срезов. Один из примеров касается динамики численности и плотности сельского населения на уровне низовых административных единиц Северо-Запада России (без Калининградской области) между переписями населения 1970 и 2010 гг., второй – динамики доли русских в населении административных районов этого же региона между переписями 1939 и 2010 гг. Северо-Запад России в данном случае рассматривается в границах Северо-Западной историко-географической области в соответствии с осуществленным районированием страны в ходе реализации проекта “Историческая география России” [3].

Диахронический метод в изучении пространственной динамики плотности сельского населения. На рис. 1 демонстрируются две картограммы, на первой из которых представлена плотность сельского населения на уровне административных районов Ленинградской, Новгородской и Псковской областей в соответствии с итогами переписи населения 2010 г., на второй картограмме – динамика численности сельского населения между переписями с 1970 по 2010 гг.

На первой картограмме четко прослеживаются ареалы повышенной плотности сельского населения, обязанные своим существованием наиболее значимым “ядрам” в системе расселения Северо-Запада России: Санкт-Петербургу (на уровне Ленинградской области), а также Великому Новгороду, Старой Руссе и Боровичам – в Новгородской области, Пскову и Великим Лукам – в Псковской области. Плотность населения в этих ареалах находится в прямой зависимости от численности населения самих “ядер”. Так, плотность сельского населения административных районов, окружающих “ядра”, убывает в следующей последовательности (в скобках дается численность населения городов по данным переписи 2010 г. [5]): Псков (203.3 тыс. чел.), Великий Новгород (218.7 тыс. чел.), Великие Луки (98.8 тыс. чел.), Боровичи (53.7 тыс. чел.) и Старая Русса (31.8 тыс. чел.).

При этом динамика численности (и, соответственно, плотности) сельского населения с 1970 по 2010 гг. на районном уровне, представленная

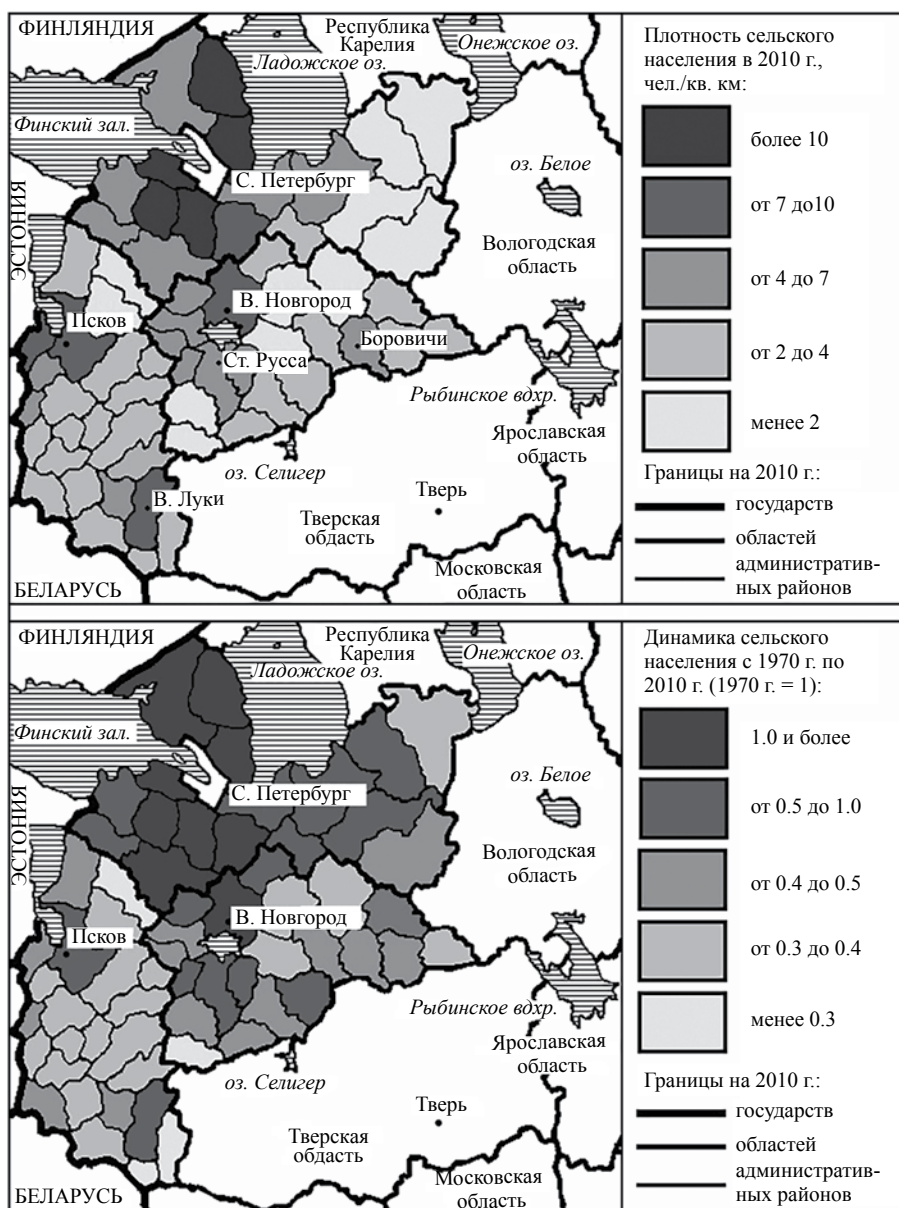


Рис. 1. Плотность сельского населения по административным районам областей Северо-Запада России в 2010 г. и ее динамика с 1970 г.

Источник: рассчитано автором по [5, 8].

на второй картограмме, в значительной степени зависит также и от удаленности от “ядра” первого порядка в пределах всего Северо-Запада, т.е. от Санкт-Петербурга. Близость к “северной столице” относительно более благоприятно сказалась на динамике сельского населения, в первую очередь, Ленинградской области, а также Новгородской области по сравнению с Псковской.

Таким образом, благодаря картограмме динамики плотности сельского населения можно наглядно проследить процесс поляризации населения в пределах Северо-Запада России, т.е. его стягивания

в сторону “северной столицы”. При этом территория Новгородской и Псковской областей входит в “донорский пояс” не только Санкт-Петербурга, но и Москвы. Последнее позволило использовать для этих трех областей, занимающих межстоличное положение, образное название “депопуляционной воронки” [16].

Диахронический метод в изучении пространственной динамики национального состава населения. На рис. 2 представлена картограмма, где отображена доля русского населения по состоянию на 1939 г. на уровне административных районов

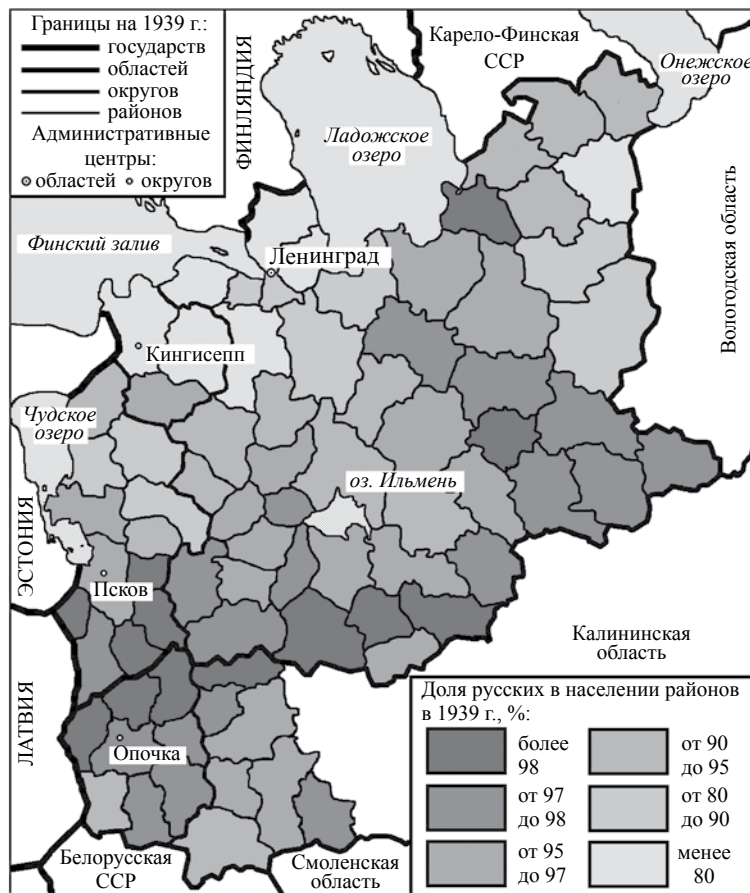


Рис. 2. Доля русских в населении административных районов Ленинградской области и западных районов Калининской области в 1939 г.

Источник: рассчитано автором по [7].

Ленинградской области и западной части Калининской области, ныне составляющих территорию Северо-Запада России в узком понимании (как историко-географической области и экономического района).

Северо-Запад России в 1939 г. был фактически моноэтническим – доля русского населения в пределах региона составляла 89,7%. Однако некоторый элемент полиэтничности вносил Ленинград, где доля русских едва превышала 87% [6]. Здесь концентрировался целый ряд национальных групп, как традиционных для его “столичного периода” (особенно поляки и немцы), так и ставших многочисленными в советское время – иноязычные мигранты “новой волны” (евреи, украинцы, белорусы, татары и др.).

На остальной территории Ленинградской области доля русских была несколько выше – 90,6%, а западные районы Калининской области были в полной мере моноэтническими, доля русских здесь превышала 96,5%.

Пояс наиболее высокой доли русского населения (свыше 97%) протянулся с юго-запада на северо-восток вдоль границы Ленинградской области с Калининской областью. Пониженной долей русского населения (менее 90%) характеризовались районы, пограничные с Эстонией, Финляндией и Вологодской областью. Однако подобного явления не наблюдалось на границе Ленинградской и Калининской областей с Латвией. Также повышенной долей русских (от 95 до 97%) характеризовалось белорусское порубежье.

На рис. 3 представлены две картограммы, первая из которых отображает долю русского населения на уровне административных районов Северо-Запада России в 2010 г., вторая – динамику доли русских на уровне низовых административных единиц Северо-Запада России с 1939 по 2010 гг. (для этого была проведена “привязка” границ районов 1939 г. к АД 2010 г. и соответствующая корректировка численности и доли национальных групп).

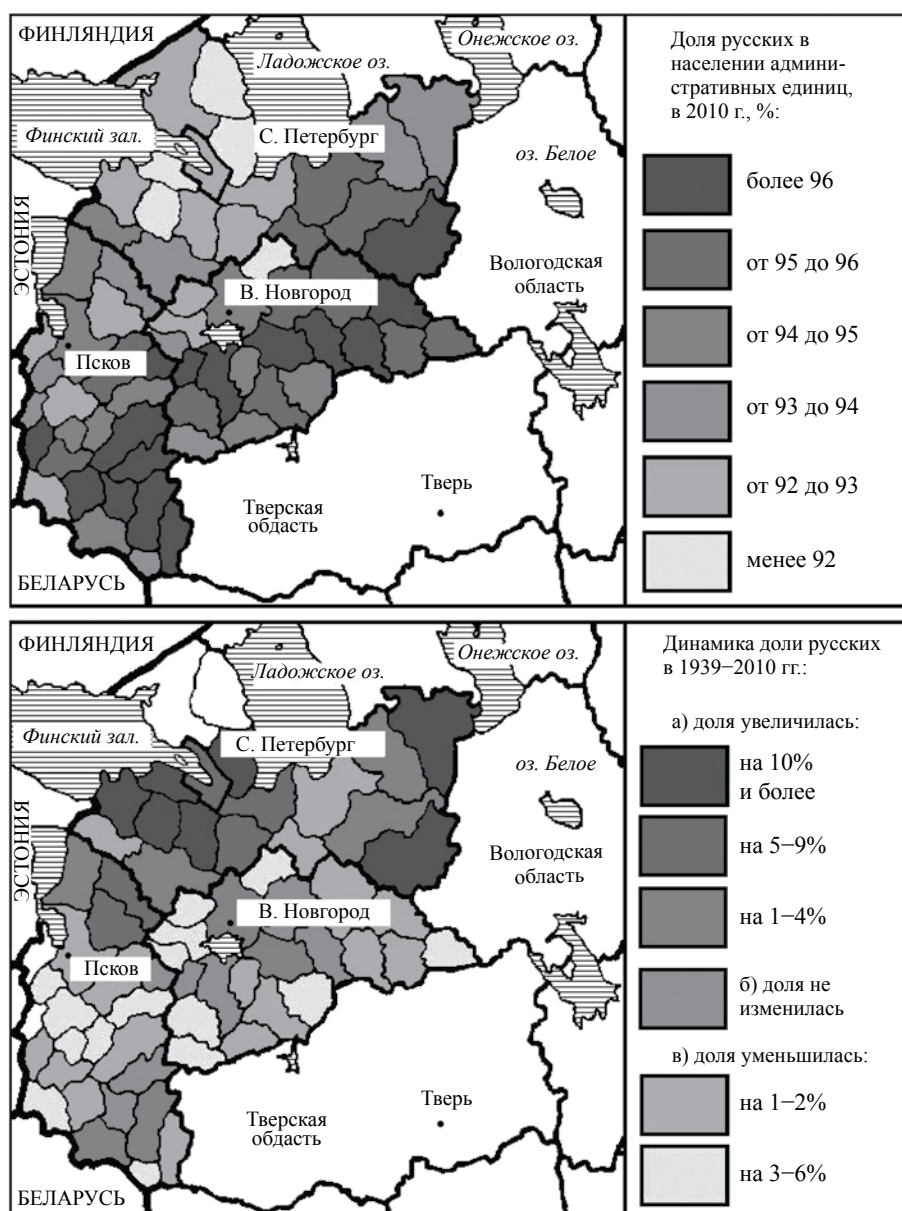


Рис. 3. Доля русских в населении низовых административных единиц Северо-Запада России в 2010 г. и ее динамика с 1939 г.

Источник: рассчитано автором по [4, 7].

Минимальной долей русских в 2010 г. (менее 93%) отличались Санкт-Петербург, западные районы Ленинградской области и ряд районов Новгородской и Псковской областей, примыкающих к Ленинградской области и западной границе России. Пояс повышенной доли русского населения (свыше 95%) протянулся с юго-восточной части Псковской области через Новгородскую область на юго-восток Ленинградской области.

Динамика доли русского населения заметно различалась на уровне отдельных регионов Северо-Запада. Например, доля русских в Ленинграде/

Санкт-Петербурге в период с 1939 по 2010 гг. почти постоянно росла и увеличилась за весь период с 86,8 до 92,5%. Схожая динамика доли русских характеризовала и Ленинградскую область.

Динамика доли русских в населении Псковской и Новгородской областей имела совсем иной характер, хотя в общих чертах и повторяла тенденции, характерные для всего Северо-Запада. Так, на момент проведения переписи населения 1939 г. эти территории были фактически моноэтническими, после чего обозначился общий тренд на увеличение доли нерусского населения.

В итоге с 1939 по 2010 гг. на территории Псковской и Новгородской областей доля русского населения уменьшилась с 96 до 95% и с 96.4 до 95.1% соответственно.

Таким образом, картограмма динамики доли русского населения демонстрирует происходящее с 1939 по 2010 гг. выравнивание этнической структуры населения на уровне низовых единиц АТД Северо-Запада России. С одной стороны, территории, где ранее была высока доля нерусского населения (особенно это касается Санкт-Петербурга и ряда районов Ленинградской области), превратились в фактически моноэтнические. С другой стороны, повысилась доля иных этнических групп населения в большинстве районов Псковской и Новгородской областей, ранее являвшихся почти исключительно русскими.

Выводы. Историко-географический подход в современной общественной географии реализуется преимущественно посредством использования метода пространственно-временной динамики, и крайне редко используется методов временных (исторических) срезов. Традиционный для исторической географии метод временных срезов имеет серьезный недостаток, выражающийся в статичности географического анализа. Вместе с тем, в дополнение к методу временных срезов, в исторической географии разработан диахронический метод, который лишен этого недостатка благодаря нацеленности на анализ пространственной динамики. Диахронический метод, опирающийся на картографический анализ, может быть востребован в общественно-географических исследованиях, так как позволяет решать задачи, традиционно стоящие перед географической наукой. В число этих задач входит анализ пространственных процессов и выявление пространственных закономерностей развития, формирование научных предположений для географического прогноза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вампилова Л.Б.* Концептуальные основы серии коллективных монографий “Историческая география России” // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания томов серии “Россия. Полное географическое описание нашего Отечества”): Матер. V межд. конф. по исторической географии (Санкт-Петербург, 18–21 мая 2015 г.). Ч. II. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. С. 380–382.
2. *Вампилова Л.Б.* Региональный историко-географический анализ. Система методов исследований в исторической географии. Кн. 2. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. 152 с.
3. *Вампилова Л.Б., Манакон А.Г.* Историко-географическое районирование Северо-Западной России: методика и опыт // Псковский регионологический журнал. 2014. № 18. С. 78–92.
4. Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etsn_10.php?reg=1 (Дата обращения: 15.05.2016).
5. Всероссийская перепись населения 2010 года. Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, районов, городских населенных пунктов. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-05.pdf (Дата обращения: 15.05.2016).
6. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php (Дата обращения: 15.05.2016).
7. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения районов, городов и крупных сел РСФСР. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php (Дата обращения: 15.05.2016).
8. Всесоюзная перепись населения 1970 г. Численность наличного населения городов, поселков городского типа, районов и районных центров СССР по данным переписи на 15 января 1970 года по республикам, краям и областям. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg1.php (Дата обращения: 15.05.2016).
9. *Дементьев В.С.* Характер расселения и этнический состав населения Псковского региона в период с 1926 по 1939 гг. // Псковский регионологический журнал. 2015. № 24. С. 88–106.
10. *Корандей Ф.С.* Метод “кросс-секций” в британской традиции исторической географии // Глобальные и региональные проблемы исторической географии: Матер. IV межд. науч. конф. по исторической географии. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, ВВМ, 2011. С. 119–121.
11. *Мазур Л.Н.* Методы картографирования в исторических исследованиях: возможности и перспективы применения // Глобальные и региональные проблемы исторической географии: Матер. IV межд. науч. конф. по исторической географии. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, ВВМ, 2011. С. 42–46.
12. *Манакон А.Г.* Использование метода временных срезов в исторической географии населения // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 126–136.
13. *Манакон А.Г.* Исторические срезы в географии населения Северо-Запада России (с конца XIX в. по начало XXI в.) // Псковский регионологический журнал. 2015. № 23. С. 72–91.
14. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2008. 944 с.

15. Стрелецкий В.Н. Эволюция научных парадигм в мировой исторической географии: от классических школ к современным исследовательским направлениям // Вопросы географии. Сб. 136: Историческая география / Отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий. М.: Издательский дом “Кодекс”, 2013. С. 29–48.
16. Теренина Н.К. Современная демографическая ситуация и особенности развития депопуляционных процессов в регионах Северо-Запада и Центра России // Восточная Европа: вопросы исторической, общественной и политической географии: Сборник научных статей / Под ред. А.Г. Манакова. Псков: Изд-во ПГПИ, 2003. С. 122–132.
17. Яцунский В.К. Историческая география как научная дисциплина // Вопросы географии, 1950. Сб. 20. С. 13–41.
18. An Historical Geography of England before AD1800 / Darby H.C. (Ed.). Cambridge: UP, 1936. 566 p.
19. New Historical Geography of England before 1600 / Darby H.C. (Ed.). Cambridge: UP, 1976. 316 p.

REFERENCES

1. Vampilova L.B. Conceptual basis of a series of collective monographs “Historical geography of Russia”. In *Istoricheskaya geografiya Rossii: retrospektiva i sovremennost' kompleksnykh regional'nykh issledovaniy (100-letie zaversheniya izdaniya tomov serii “Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva”)* [Historical Geography of Russia: Past and Present of Integrated Regional Studies (100th Anniversary of the Completion of the Edition Volumes of the Series “Russia. Full Geographic Description of Our Fatherland”)]. Part II. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State Univ., 2015, pp. 380–382. (In Russ.)
2. Vampilova L.B. *Regional'nyi i istoriko-geograficheskii analiz. Sistema metodov issledovaniy v istoricheskoi geografii* [Regional Historical and Geographical Analysis. System research Methods in Historical Geography]. Part II. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State Univ., 2008. 152 p.
3. Vampilova L.B., Manakov A.G. Historical-geographical zoning of North-West Russia: methodology and experience, *Pskov. Region. J.*, 2014, no. 18, pp. 78–92. (In Russ.)
4. *Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010 g. Naselenie po natsional'nosti, polu* [All-Russian Population Census 2010]. Available at: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=1.
5. *Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010 goda. Chislennost' naseleniya Rossii, federal'nykh okrugov, sub'ektov RF, raionov, gorodskikh naselennykh punktov* [All-Russia Population Census of 2010]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-05.pdf.
6. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya po regionam Rossii* [All-Union Population Census of 1939. National Composition of Population of Regions of Russia]. Available at: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php.
7. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya raionov, gorodov i krupnykh sel RSFSR* [All-Union Population Census of 1939. National Composition of Population of Districts, Towns and Large Villages of the RSFSR]. Available at: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php.
8. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1970 g.* [All-Union Population Census of 1970]. Available at: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg1.php.
9. Dement'ev V.S. Settlement patterns and the ethnic composition of the population of Pskov region in the period from 1926 to 1939. *Pskov. Region. J.*, 2015, no. 24, pp. 88–106. (In Russ.)
10. Korandei F.S. Method “cross-sections” in the British tradition of historical geography. In *Global'nye i regional'nye problemy istoricheskoi geografii* [Global and Regional Problems of Historical Geography]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2011, pp. 119–121. (In Russ.)
11. Mazur L.N. Methods of mapping in historical research: opportunities and prospects of application. In *Global'nye i regional'nye problemy istoricheskoi geografii* [Global and Regional Problems of Historical Geography]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2011, pp. 42–46. (In Russ.)
12. Manakov A.G. Using the method of time slices in the historical geography of the population. *Regional'nye issledovaniya*, 2015, no. 1 (47), pp. 126–136. (In Russ.)
13. Manakov A.G. Historical sections in the geography of the North-West of Russia (late XIX century to early XXI century). *Pskov. Region. J.*, 2015, no. 23, pp. 72–91. (In Russ.)
14. Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: ITI Tekhnologii, 2008.
15. Streletskiy V.N. Evolution of scientific paradigms in the world's historical geography: from classical schools to modern research directions. In *Voprosy geografii, sb. 136: Istoricheskaya geografiya* [Problems of Geography, no. 136, Historical Geography]. Kotlyakov V.M., Streletskiy V.N., Eds. Moscow: Kodeks Publ., 2013, pp. 29–48. (In Russ.)
16. Terenina N.K. Present demographic situation and de-population processes in the regions of the North-West and Center of Russia. In *Vostochnaya Evropa: voprosy istoricheskoi, obshchestvennoi i politicheskoi geografii* [Eastern Europe: Problems of Historical, Social and Political Geography]. Manakov A.G., Ed. Pskov: PSPI Publ., 2003, pp. 122–132. (In Russ.)
17. Yatsunskiy V.K. Historical geography as a scientific discipline. In *Voprosy geografii*, no. 20, 1950, pp. 13–41. (In Russ.)
18. *Historical Geography of England before AD1800*, Darby H.C., Ed. Cambridge: UP, 1936. 566 p.
19. *New Historical Geography of England before 1600*, Darby H.C., Ed. Cambridge: UP, 1976. 316 p.